

Юбилей, презентации...

2011 год ознаменован несколькими юбилеями сотрудников «Vox» и Центра методологии и этики науки.

14 сентября исполнилось 75 лет Александру Павловичу Огурцову.

5 октября отметил 70-летие Сергей Сергеевич Хоружий.

Редакция журнала желает юбилярам здоровья и дальнейших творческих успехов.

18 ноября состоялась презентация Фонда им. А.М.Пятигорского, философа и писателя. Присутствовало множество лиц, в том числе вдова философа, писатели Б.Акунин и В.Сорокин. Из числа сотрудников ИФРАН – О.И.Генисаретский, Э.Е.Страчевская, Е.В.Петровская, О.В.Аронсон, В.Г.Лысенко, С.С.Неретина. Выступления чаще всего были веселые и ироничные. Публикуем выступление С.С.Неретиной:

О самозванстве

Что здесь хочу сказать я, лично не знавшая Александра Моисеевича, однажды присутствовавшая на его прощальной – перед отъездом из России – лекции в Институте иностранных языков, но читавшая его книги? Я могу немного поразмышлять об интересовавшей его теме предательства и самозванства.

В латинском языке известны три слова, которые можно перевести как «предатель»: *traditor* – тот, кто передает, *venditor* – тот, кто продает за деньги и *proditor* – предает в руки суда как изобличенного. Но Иуда (у Абельяра, например) назван *traditor*, хотя к нему скорее приложимо было бы слово *venditor*. Почему так?

Это проблема, возникающая перед каждым, кто имел учителя. Уйти от учителя, с которым связаны и личные отношения, всегда как-то связано с предательством, если, конечно, сразу не обозначить отношения как чисто профессиональные. Тогда речь идет скорее не об отношении учитель – ученик, а о некоем взаимном интересе.

Самое общее – понять *traditor* как того, кто передает некую традицию обучения или – в данном случае - принятого учения. Очевидно, что, если основываться на значении этого слова, то Иуда предает, не предавая традиции, - за деньги. Собственно, здесь деньги – главный мотив всеобщего осуждения. Иуда к тому же, по некоторым версиям, повесился, что не значит – отрекся от переданного учения. Он казнил себя сам, и это дает основание допустить, что получение денег было моментом слабости, притом слабости не духа, но плоти, ибо дух в конце концов одолел плоть.

Апостол Петр также предает Христа (трижды отрекается от него). Чем, казалось бы, он лучше? Тем, что не отказался нести бремя грешной жизни, заслужив

себе прощение и воздаяние. В данном случае очевиден парадокс: вести жизнь с сознанием греха оказалось спасительнее добровольного принятия кары за грех. Правда, Петр отрекся от Христа, как якобы не знакомый с Ним, а Иуда предал Его в руки стражей и, как оказалось, на смерть: сам поступок неизмеримо страшнее. Но ведал ли он, что творит? Абельяр считает, что не ведающий греха и не грешит. Если Иуда не ведал, он безгрешен, он грешен, если ведал. Его смерть свидетельствует вроде бы о том, что не ведал (допустил, что Пилат мог отпустить Иисуса). Грех, совершенный Петром, - грех ведения. Вот эта парадоксальность уже две тысячи лет заставляет продумывать само таинство греха.

Еще раз подчеркну: в предательстве Иуды главное – деньги, **не** отречение от учения. Ибо предательство учителя как таковое не только не возбранялось в истории, но некоторым образом поощрялось. При этом слово «предательство» не употребляется, оно как бы прячется, проскальзывая разве лишь в иронических «крылатых» выражениях типа «Платон мне друг, но истина дороже». Однако мало кто скажет, что Аристотель предал Платона. Я знаю одного: Лоренцо Валлу.

И все же вопрос в том, почему он остается *trahitor*, а не *venditor*? Ведь и Бог предал Сына (на землю, как прившего полноту жертвы за грехи человека). Об этом тоже пишет Абельяр, объясняя разницу *намерений, интенций*. Поступок предания в случае с Христом был тройственным: Отец совершил предание Сына Своего как жертву, Сын предал сам себя и собою же избранной судьбе, Иуда предал Его за деньги. Даже раскаяние его, Иуды, воспринимается не как раскаяние в поступке (хотя этого никто не знает), а как следствие возникшего к нему презрения людей. В связи с этим, тройным, толкование «предания», с новой силой возникла проблема соотношения свободы воли и предопределения: ведь Иуда сделал то, чего хотел Бог. Ответ христиан был следующим. Хотя сделано то, чего желал Бог, сделано это было с разными целями. Разница – в причине и мотиве. Причина одна, а мотивы разные. Это значит, что и в логике, как и в жизни должно различать между каузальностью и мотивацией (то, чем занимался Рикёр). Воля Иуды зла, Бога – блага, а вот самого Сына, с одной стороны, Божьего, с другой - Человеческого? Трудность ответа и позволила оставить за Иудой характеристику *trahitor* – он неведомо выполнял Божью волю, но с осознанным человеческим злонамерением.

Здесь очевидна эквивокация – два определения одного и того же, данных с разных аспектов. Два определения Иуды – не отрешившийся, но продавшийся.

Теперь о самозванстве – феномене, прекрасно изученном гг. Тульчинским и Игорем Сергеевым. Самозванец – *impostor* (англ.), *imposteur* (фр). В латыни непосредственно слова с таким значением нет, в Риме не было самозванцев. Все эти названия свидетельствуют, что эти люди как-то неправильно находятся на посту. В латыни есть, правда, как и в немецком языке, слово *usurpator* со значением самозванца. Но это слово приобрело зловещий смысл «захватчика», хотя и происходит от вполне добропорядочных слов: «употребление, обычай». Глагол *usurpo* (*usus+rapio*) означает не только «захватываю», но и мягкое «улавливаю общее настроение, схватываю». Выглядит вполне как философский термин «схватывания», конципирования. Вот где и проявилась его эквивокация-двуосмысленность: можно сказать – «собрать», а можно «разграбить», и то и другое выражается одним словом – «схватить».

Впрочем, и в латыни, кроме «узурпатора», есть слово, связанное с зовом самого себя, - *provocator*! Уж точно мы не связываем его ни с призывом, ни даже с самозванством! А между тем его значение – «тот, кто вызывает». Можно посмотреть и другие слова, связанные с *vox* – голосом, зовом. *Invocatio* – призыв, *advocatus* – тот, кто призван. Вот ему бы и быть самозванцем, а нет, это его зовут, а не он самого себя. |

Я же придумала два латинских термина: *autovocator* – самозванец и *sevocator* – тот, кто присваивает что-либо, хотя собственно такого существительного нет, но глагол *sevoco* есть. Он и означает «присваиваю», «отзываю», «отделяю», «увожу в сторону». Все не то.

Но что общего у самозванца с предателем, *traditor*? Оба опираются на **традицию**. И того, и другого должны узнать. Если нет, то ты оказываешься просто лжецом. Пугачева «узнали» волжские старцы, Отрепьева – поляки.

Есть и другой смысл «самозванства» - наречение себя чужим именем. Так некто назвал себя Дионисием Ареопагитом. Можно, конечно, назвать его шизофреником: ты-де чайник, а я - Дионисий. Но написанное им настолько серьезно, что невольно засомневаешься: а все ли шизики – шизики.

Третий смысл – приписывание кому-то имени в соответствии со стилем и темой изысканий: Псевдо-Аристотель, Псевдо-Августин. «Псевдо» не должно, однако, нас смущать: называли чаще всего так не они сами себя, а мы – тех, кого приняли за настоящих Аристотеля или Августина, показав (и доказав) тем самым, сколь мало мы их понимаем, если не можем различить ни по стилю, ни по словоупотреблению, о логике и не говорю. Это понял Псевдо-Дионисий и постарался. Сорвался на «пустячке»: не удержавшись, упомянул о соборе, который не мог состояться во времена настоящего Дионисия. Между тем это такая попытка, которая требует освящения традицией: солдатские императоры проходили процедуру избрания, выдвижения.

В любом случае самозванство – основанная на традиции **попытка разрыва с традицией**, с устоявшимся образом (вещей или мыслей). В Семидесятые многие русские, желавшие эмигрировать, находили «родственников»-евреев, которыми были прекрасным «средством передвижения». Можно, конечно, говорить, что ныне оно является свидетельством утраты идентичности, и, возможно, для статуйного российского общества в этом был смысл. Сейчас наше общество не статуарно, попытки заявить о себе – с помощью ников – тоже самозванство - как выражение новой интонации: неуверенности.

И все же: любой мой собственный акт – самозванный, несмотря на то, что меня сюда позвал мудрый Генисаретский и прекрасная Эмилия, я могла бы ведь и не пойти. Это и сейчас не лишено связи с традицией (если употреблять это слово «самозванный»), под которой понимается нечто извне воздействующее. Но скорее - свидетельство того, что лишается смысла традиционное деление на субъект-объект. Одно и то же действующее может быть и тем, и другим. Одним и тем же действующим является мой внук: он заявил в Контакте, что сменил свою фотографию. Я посмотрела: везде был премьер-министр.